

Культура. - 2003 -
20-26 нояб. - с. 9

Суицид в унитазе

“Психоз 4.48” Гжегожа Яжины на фестивале NET

“Психоз 4.48” — последняя пьеса Сары Кейн, представительницы новой волны в драматургии. В 1999 году в возрасте 27 лет она повесилась в одном из британских госпиталей. Да и попала туда из-за той же попытки уйти из жизни. “Психоз 4.48” был поставлен посмертно и наверняка автобиографичен. Героиня пьесы страдает депрессиями, как и сама Сара Кейн. А выход, как известно, всегда существует: уйти самой, не мир же ломать.

Несмотря на то что сюжета как такового в пьесе нет, слова тут очень важны, вернее, их поток — бредовый, бессознательный. Но спектакль идет на польском языке. Многие на вербальном уровне не понять вовсе. Всегда была уверена, что если есть в спектакле энергетика, то слово — дело третье, и без него дойдешь до сути. “Психоз” подтверждает обратное. Спасибо, при входе вручили листовку с фрагментами текста, звучащего со сцены.

Монолог героини, которую сыграла молодая актриса Магдалена Челецка, примерно таков: “Я не могу любить, я стремительно несусь к смерти”, “Я не могу быть одна, я не могу быть с людьми, я ненавижу свои гениталии, я не хочу умирать...”. Тем не менее планы таковы: “Передознаться, вскрыть себе вены, а потом повеситься”. Что хочется, так это охранять границы своего психологического пространства, быть увиденной и услышанной, быть независимой, пренебрегать условностями, справляться со страхом. Нормальные, понятные желания. Кому ж этого не хочется. Симптомы, согласно тексту и тому, что мы видим на сцене, таковы: не ест, не спит, не разговаривает, не стремится к сексу, хочет умереть. Ди-

агноз — патологическая тоска.

Сто таблеток аспирина и бутылка каберне — и вот ты в больнице. Следы, как я исчезаю, следи за мной.

Мы и следим за тем, как героиня глотает таблетки, встречается с подругой-любовницей, с другими людьми, которые, как вспышки, появляются в жизни и куда-то исчезают. Потом больница и страх. Все!

Как-то при посадке в поезд услышала дикий, истощный крик. Так воют матери, потерявшие детей. Но был парень, провожавший в армию своего возлюбленного. Найти партнера в однополую любовь не так просто, во всяком случае, совсем недавно именно так и было. Наверное, времена изменились. Прогресс в этой сфере стремителен. Сия история всплыла в памяти неожиданно в тот самый момент, когда на сцене происходил контакт двух женщин — главной героини и ее старшей подруги. Можно сказать, что московские подмостки такого рода откровениями не избалованы. Все это производит впечатление.

Поставил спектакль Гжегож Яжина, именуемый надеждой польского театра. Еще год назад на тот же NET должны были привезти этот его спектакль. Но привезли только теперь. Чему мы, очевидно, обязаны одной названной перед началом спектакля компании, покрывшей все необходимые расходы. А год назад, говорят, забили такую сумму, которая оказалась для фестиваля со скромным бюджетом неподъемной. Теперь в буклете — та же страничка о спектакле, что и год назад.

За что, собственно, боролись устроители? За вполне стандартный, хоть и качественный, европейский спектакль. Вот если хочешь знать,

какой он, современный молодой или даже не очень молодой театр Европы, — самая дорога на “Психоз 4.48”.

Идет спектакль ровно час и еще пять минут, в течение которых над сценой звучит голос, произносящий, как метроном: “Тфа, тфа, тфа...” Он может звучать и дольше, если зал останется сидеть. Но на поклоны все равно никто не выйдет.

На сцене — кафельная стена, в ряд раковины и только один унитаз. Над раковинами — зеркала, в которых до и после спектакля отражается зрительный зал. Современное кинотеатральное искусство очень полюбило общественные туалеты. Несколько фильмов об уборных появилось за последние два года на крупнейших международных кинофестивалях, да и театр не забывает отхожие места. На том же NET Новый рижский театр сыграет “Ревизора” не без помощи сантехники допотопного образца, сушилок и всего того, что создает флер ватерклозета. Что ж — это часть нашей жизни, да и сама жизнь иной раз напоминает отхожее место. А уж европейцам какая сладость поковыряться в этих местах, а то все ужасно и красиво вокруг до скуки, жизнь идет себе спокойно и размеренно, никакого экстрима.

Унитаз как таковой заработает ближе к финалу. Он как ружье, которое должно же когда-то выстрелить, иначе зачем оно на сцене. На унитаз сядет обнаженная дама зрелых лет: Посидит, потом обойдет квадрат сцены, приблизится к первому ряду публики. Тело немолодое, изрядно пожившее. А позднее перед носом зрителя появится топлесс молодая героиня Магдалены Челецки.

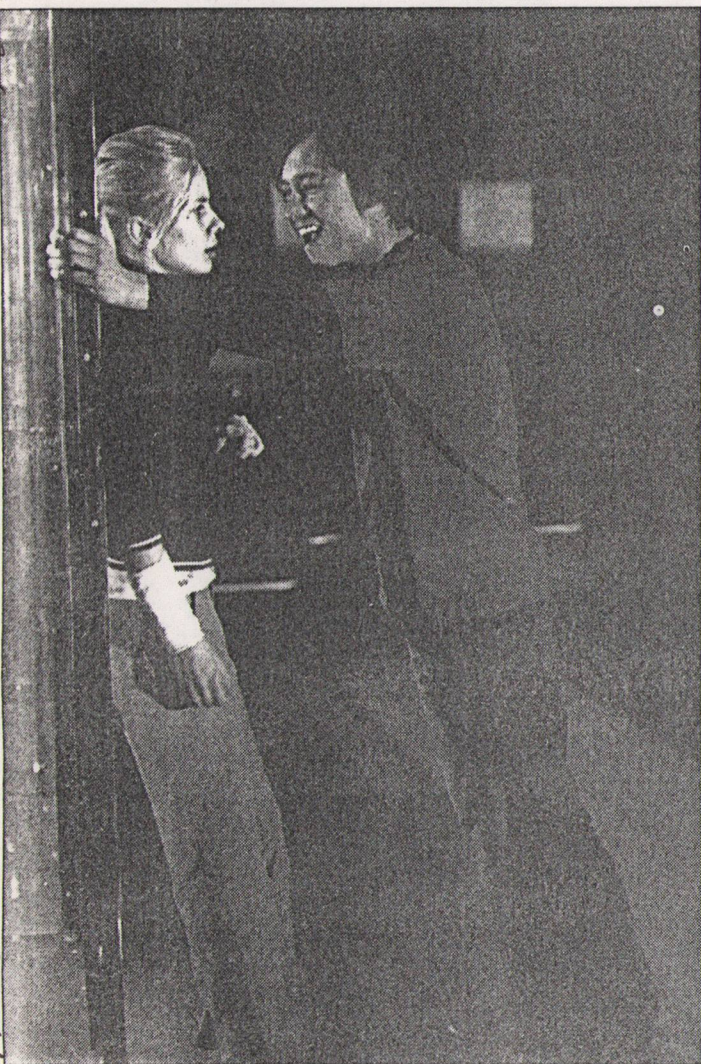
Над умывальниками, а потом и над унитазом по ходу действия заго-

раются цифры: 79, 72 и так далее. Спроецируют все эти цифры бегущими строками, похожими на рулон ткани, на одну из стен декорации, как на экран. Право слово, чистой воды “Матрица” с ее вязью зеленых цифр. Красиво, тревожно, но до братьев Вачовски далеко. Не те финансовые возможности.

Гжегож Яжина вместо фамилии указывает в программке “плюс”, или крестик. Как кому угодно. Яжине угодно играть в псевдонимы. У него он в виде креста. С Яжиной вообще все не так просто. Биография, например, у него интересная: философский факультет, учеба в Папской богословской академии в Кракове, театральная академия и учитель Кристиан Лупа. Теперь он возглавляет варшавский театр “Розмаитости”, откуда родом, собственно, и описываемый “Психоз”. Спектакль не сходит с орбит международных театральных фестивалей, что само по себе ничего не значит. Люди, сведущие в фестивальном движении, прекрасно знают, что тут важно. Важно хоть однажды попасть, а потом грамотно работать с фестивалями, тогда приглашения следуют цепочкой. Но и преуменьшать факта участия тоже не стоит.

На зрелище среди прочих взирали: надежда российского театра Миндаугас Карбаускис и знаменитый британец Марк Равенхилл, большой специалист по fucking@ dead (для непосвященных — “проклятый”, ругательство, производное от слово “совокупляться” и “мертвый”, хотя сами по себе слова ничего тут не передают). Присутствовал также польский дипкорпус во главе с послом и его супругой. Следов потрясения не наблюдалось.

Светлана ХОХРЯКОВА
Фото Михаила ГУТЕРМАНА

Сцена из спектакля

Гжегож

Яжина

138